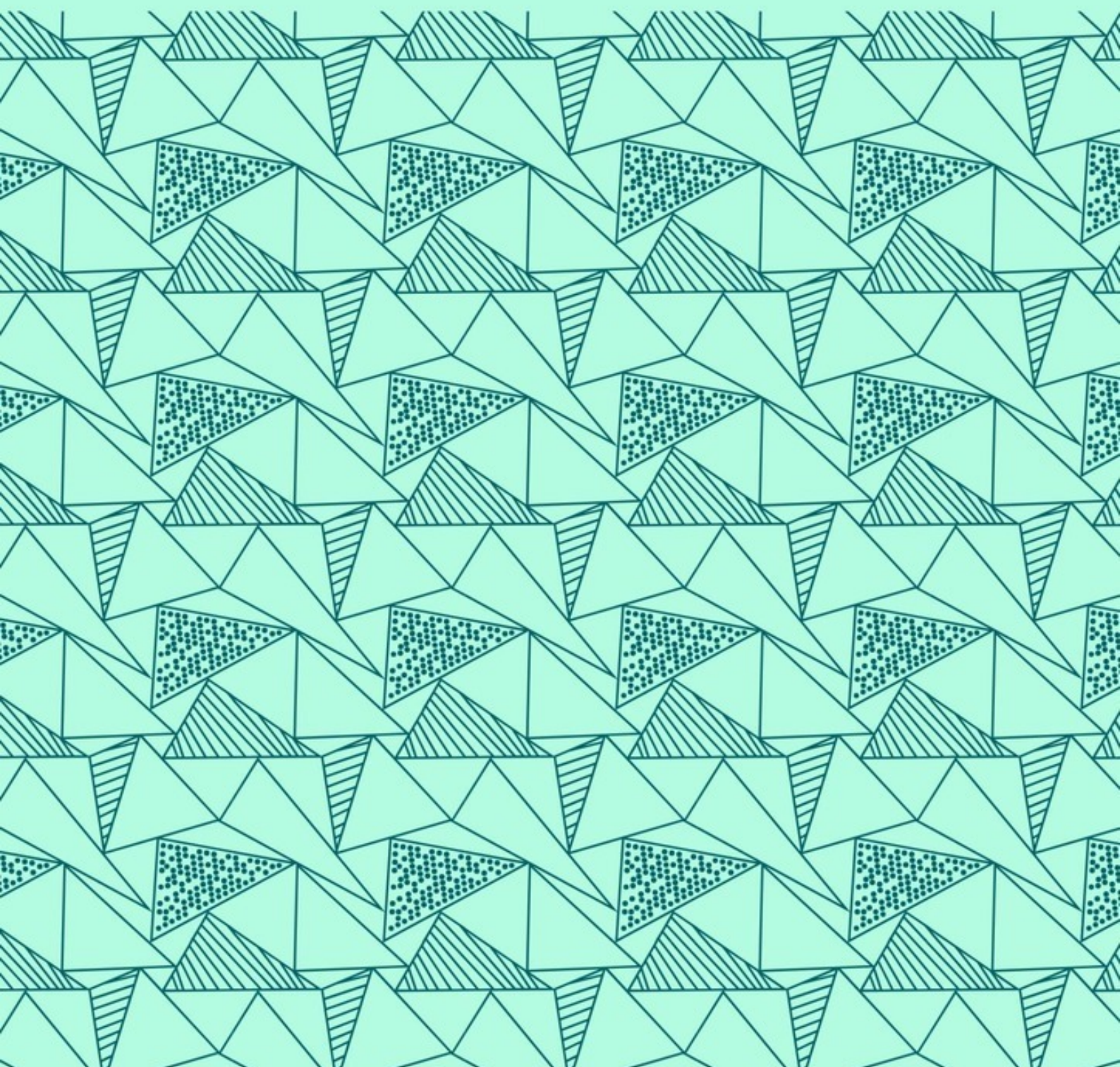

Ольга Камашинская
На вираже судьбы

Ольга Камашинская

На вираже судьбы

«Издательские решения»

Камашинская О.

На вираже судьбы / О. Камашинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965235-5

Блестящий пластический хирург Ветров накануне своего юбилея совершает опрометчивый поступок, из-за которого теряет клинику, семью и здоровье. А потом его судьба странным образом переплетается с судьбой криминального авторитета Соболева.

ISBN 978-5-44-965235-5

© Камашинская О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

На вираже судьбы

Ольга Камашинская

© Ольга Камашинская, 2019

ISBN 978-5-4496-5235-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мужчина проснулся, но долго не открывал глаза. Боялся. И не напрасно. Когда он, наконец, поднял тяжелые веки, то снова, уже привычно, закружилась голова, и окружающие предметы поплыли перед ним тошнотворной нескончаемой каруселью. Тогда мужчина напряг глаза, до головной боли, сфокусировался. Головокружение прошло. Но привычных очертаний палаты не было. Потолок и стены извивались в виде неправильных, выгнутых ромбов. Он попытался встать и пойти, но не смог, потому что пол тоже был вывернутый, неровный, и, как ему казалось, дугой поднимался перед ним в виде кривого мостика. Мужчина поднял ногу, шагнул на этот мостик, но пол почему-то оказался не там, где он его видел, нога провалилась вниз, он споткнулся и упал. Стал подниматься, опираясь на кровать, задел тумбочку. Стакан с водой, стоявший на ее краю, упал и разбился. На шум прибежала медсестра, стала укладывать больного на кровать, приговаривая:

– Ну зачем, больной, Вы опять встали? Доктор же сказал Вам лежать, не подниматься. Вот поправитесь, и тогда пойдете.

Мужчина молчал. Он смотрел на девушку и удивлялся, почему у нее халат какого-то страшного, багрового цвета, хотя должен быть белым. И стены в палате страшные, ядовито-лиловые. Он замолчал, пытаясь выразить эту свою мысль, но не смог вспомнить ни названия цветов, ни предметов. Мелькали в голове какие-то отдельные слова, но он не знал, что они обозначают, и, тем более, не мог их связать в предложение. Он устал и лег на кровать. Какое-то время пробыл в забытии. Потом услышал, как открылась дверь. Открыл глаза, сфокусировался, увидел, что в скособоченную ярко-желтую дверь входит женщина, показавшаяся ему знакомой. Женщина подошла ближе. Начала что-то спрашивать, потом кричать. И на глазах черты его лица стали искажаться. А тело ее увеличилось в размерах. Страшное лицо надвинулось прямо на него, оскалились острые длинные зубы, руки и ноги превратились в щупальца, тянулись к нему. И вот он один на один остался с огромным жутким спрутом, который хотел его убить. Мужчина задрожал от страха и спрятался под одеяло, а голову засунул под подушку.

В палату вошел врач и сказал:

– Простите! Мне жаль, но его нельзя сейчас беспокоить. Вы понимаете, это острое состояние, галлюцинации, страхи. Возможны любые реакции. Вот пройдет пара недель, тогда сможете общаться. А сейчас мы Вашему мужу поставим капельницу, введем сильнодействующие препараты.

– А Вы уверены в диагнозе? Может, лучше в Москву отвезти? – спросила женщина.

– Можем не довести, – вздохнул врач.

– Неужели все так серьезно? – женщина глядела на него настороженно и недоверчиво.

– Да.

– А от чего могло возникнуть такое заболевание?

– Острый реактивный психоз развивается от сильных стрессов, часто на фоне усталости, переутомления. Возможно, было какое-то отравление. Мы взяли кровь на анализы, определим, есть ли в ней наркотики, яды. Результаты будут готовы через несколько дней. Тогда Вам скажу точнее.

– Ну что он делал на этой улице Лазурной, не пойму, – раздраженно сказала женщина.

– Ну, тут пусть милиция разбирается, что Ваш муж делал там, что мог выпить или съесть, какое потрясшее его событие могло произойти в последние часы перед болезнью, а я в этом не советчик, – врач пожал плечами.

– Да они дела не открывают, нет состава преступления, говорят, – возмутилась женщина.

– Наймите частного детектива, – посоветовал доктор.

И они вышли из палаты.

Глава 1

Высокий, стройный мужчина вышел из Мерседеса и пошел к зданию клиники косметической хирургии «Надежда». Походка у него была легкой и упругой, движения уверенные и свободные. Трудно было, глядя издали на него, подумать, что ему через несколько месяцев исполнится пятьдесят лет. Да и вблизи он выглядел моложе своего возраста. Волнистые темно-каштановые волосы с проседью. Модная стрижка. Синие красивые глаза. Правильные черты лица. Элегантный темно-синий костюм. Модельные черные ботинки. Его можно принять за известного тренера. Или за дипломата. Или за плейбоя, проводящего время на горнолыжных курортах в Альпах и на Лазурном берегу Средиземного моря. Но нет. Олег Владимирович был простым русским хирургом. Точнее, не простым, а блестящим хирургом. И времени на занятия спортом и солярий у него не было. Изредка он ходил с семьей на лыжах, да иногда купался в реке около своего коттеджа в теплые дни. Диету не соблюдал. Когда пузатые одышливые мужики-ровесники спрашивали, что помогает ему быть в такой хорошей физической форме, то Олег Владимирович с улыбкой отвечал: «Тяжелый физический труд и сексбол».

Некоторые удивлялись. Далеко не все представляют, насколько тяжело не только морально, психологически, но и физически работа хирурга за операционным столом. Ну а сексбол – это был отдых. Не случайно говорят, что слабость сильного мужчины – это женщины. А Олег Владимирович был наделен особой харизмой, умением нравиться людям, особенно женщинам, базирующейся на его особой сексуальной энергетике.

Он вошел в здание, и пошел по коридору своей клиники, механически отвечая на приветствие врачей и медсестер. Ему было чем гордиться. Все радовало глаз. Евроремонт. Цветы кругом. Удобные кресла и диваны. Красивые ковры. Все сделано со вкусом и любовью. Но почему-то последнее время радости он не испытывал, приходя в клинику. Наоборот, наваливалась усталость и безразличие. А в этот день ему не хотелось даже идти в операционную. Он представлял, как будет вырезать куски жира с живота стокилограммовой пациентки, а потом удалять еще жир дренажами с бедер. И поморщился от отвращения. В голову полезли ненужные мысли. «А зачем все это надо? Оперировать от ожирения тех, кто просто распускает себя – двигаться не хочет, а ест непомерно много... Или делать молодым и красивым лицо у шестидесятилетней старухи, которая еле ковыляет на своих артрозных ногах... А порой решать хирургическим путем чьи-то психологические проблемы. У девушки просто комплект неполноценности, нет веры в себя. Исправив форму носа, она найдет другой недостаток – и станет увеличивать себе грудь, потом захочет изменить свои уши и т. д. Но такие пациенты – источник дохода косметических хирургов. И, конечно, ему придется идти на поводу у своих клиентов, не пытаясь их в чем-то разубедить». Сначала Олегу Владимировичу нравилась пластическая хирургия, исправлять врожденные дефекты лица, последствия травм – возвращать человеку уверенность в себе. Это было прекрасно. Его привлекало то, что можно сделать некрасивое лицо красивым, это вечное стремление к совершенству. Результаты его операций были великолепны. И люди к нему потянулись. И появились тогда новые возможности в стране: у людей деньги на подобные операции, а у медиков – разрешение открывать частные клиники. Самбы он, может, и не стал заниматься этим всерьез. Но жизнь его бульдожьей хваткой вцепилась за перспективную возможность разбогатеть. И была права. Она стала движущей силой создания этой клиники. А Олег Владимирович – ее творческим началом, уникальным талантом, который смог здесь реализоваться. А теперь он, видимо, просто немного устал от постоянных перегрузок...

Олег родился в благополучной интеллигентной семье. Мать его преподавала пропедевтику внутренних болезней в мединституте. Отец был доцентом кафедры иностранных языков в университете. Родители любили песни Окуджавы и Высоцкого, книги Паустовского

и Ремарка, поэзию Серебряного века. Они могли допоздна просидеть со своими друзьями за бутылкой красного вина, споря о политике и призвании человека, об истории и будущем России. Они были честными и мыслящими людьми, но мало приспособленными к реальностям нашей трудной жизни. Для них проблемой становились сломанный унитаз и упавшая гардина. Олег рос совсем другим человеком. Он не любил длинных бесед, редко читал стихи, не хотел учить иностранные языки. Отец как-то раз, показывая десятилетнему сыну свою библиотеку, с гордостью сказал

– Когда-нибудь ты прочтешь все эти книги великих историков и философов. Цицерон. Маркс. Шопенгауэр. Кант. Запомни эти имена.

А Олег в ужасе съезжился, представляя, как он будет вталкивать в свою голову все эти сложные, толстые и ненужные книги. Он увлекался совсем другим. Брат его матери, дядя Гена, возился со своей машиной, и мальчик с пяти лет внимательно наблюдал за ним. В десять лет он мог уже сам не только вбить гвоздь, но и сменить прокладку в гудевшем кране, починить утюг и велик. В двенадцать лет он ремонтировал за деньги пацанам со своего и соседних дворов мотоциклы и мопеды. А, став чуть постарше, чинил машины взрослым соседям – мужикам. Все, за что Олег брался, получалось у него ловко и красиво. На даче, подростком, он перекрыл толем крышу, сколотил сам, один, сарай и новый туалет. Дядя Гена с гордостью говорил:

– Моя школа!

Но ему было далеко до племянника. Еще дядя Гена приобщил мальчика к филателии и нумизматике. Мальчик стал собирать марки, монеты, значки. И очень рано понял, что можно покупать у одних любителей те же марки, и продавать другим дороже, с выгодой для себя. Он стал завсегдатаем сборищ коллекционеров. В шестнадцать лет, на ремонтах и спекуляциях, он зарабатывал в месяц порой больше начинающего инженера. Тогда Олег очень любил деньги, копил их, перебирал купюры, раскладывал по пачкам, прятал в своей комнате в разных укромных местах. Иногда покупал себе джинсы, модные куртки, кассеты, ходил в кино. А потом поставил цель – купить себе машину и квартиру. Родители жили в своем мире и не догадывались о бизнесе сына.

Когда пришло время выбора профессии, устроили дома семейный совет.

Дядя Гена кричал:

– Только инженером! У него такие руки и голова! Олежка технику чувствует, соображает, что к чему.

Отец, Владимир Юрьевич, убеждал сына, что нужно изучать иностранные языки. Всегда можно устроиться преподавателем или переводчиком. И, даже если попадет учителем в школу, то у мужчины-педагога перспектива вырасти до директора школы, очень велика.

Мать уговаривала Олега поступать в институт, тем более, что она будет в приемной комиссии и поможет ему попасть. Светлана Кирилловна хотела, чтобы сын тоже стал врачом. И еще аргумент выдвигала другой. В «меде» есть военная кафедра, и Олега не заберут в армию во время учебы. Этот вопрос был болезненным для всей семьи. Дело в том, что сын Геннадия Кирилловича служил в Афганистане, был демобилизован по ранению. Раны зажили довольно быстро, но война оказалась психической травмой для молодого, эмоционального парня. Юра стал нервным и вспыльчивым, у него случались приступы ярости и агрессии, из-за которых он не работал долго на одном месте и не мог создать семью. Лечение у врачей разного профиля результатов не дало. Юра начал пить, употреблять наркотики, а в двадцать три года закончил жизнь самоубийством.

И они все боялись, что служба в армии, тем более, в горячих точках, может так же искалечить жизнь Олега. Парню и самому в армию не хотелось. Учителем, тем более. Директором школы, он себя плохо представлял. За десять лет душные классы, нудные уроки и галдящая, носящаяся толпа молодняка в темных неуютных коридорах – ему изрядно это все надоело. А тут на всю жизнь снова в школу, едка оттуда вырвался?! К иностранным языкам он чувство-

вал отвращение. К математике тоже. Одно дело разобрать и собрать мотор, и совсем другое какие-то абстрактные интегралы, функции и сопромат. А это все придется учить в техническом вузе.

И он выбрал медицинский. Поступил без проблем. И учиться ему было, на удивление, легко. Все было наглядно: мышцы, сосуды, кости и фасции. Девчонки в анатомке у трупов падали в обморок. Олег препарировал ткани так, будто этим занимался всю жизнь. А когда начали изучать хирургию, то парень понял, что это – его судьба. Он стал ходить на кафедру в кружок, оставался дежурить в больнице на ночь, ассистировал на операциях. Ему начали доверять сначала мелкие операции: вскрытие гнойников, первичную хирургическую обработку ран. А потом, видя, как хорошо у него все получается, более сложные операции. Еще студентом он делал омиендэктомии, грыжесечение, ушивание сугубодных язв. Даже старые операционные сестры восхищались мастерством молодого хирурга: он оперировал грамотно, быстро, технично. Ровные небольшие разрезы. Швы – стежок к стежку. Минимальные кровопотери. И никаких осложнений. Когда Олег Владимирович оперировал, он уходил полностью в этот процесс. Не терпел разговоров и музыки в операционной. Того, кто нарушал тишину, просто выгонял вон.

И так было с детства. Чем бы Олег не занимался, чинил ли машину, строил ли дачу, но он всегда сосредотачивался на деле, отключаясь от окружающего мира, стремясь сделать правильно и красиво задуманное.

Жену это почему-то всегда раздражало. Он работал, а она его отвлекала, пыталась что-то спросить, сказать, начинала выяснять отношения. А Олег Владимирович этого не переносил, потом ему уже просто не хотелось продолжать делать начатое.

Можно сказать, у него было две страсти в жизни: сначала первая – сделать что-то нужное без изъянов, красиво, своими руками; вторая – купить, продать, сменить какую-нибудь ценную вещь (марку, монету, икону, драгоценность). В институтские годы Олег, кроме марок и монет, стал заниматься иконами и драгоценностями. Он мог любоваться ими, чувствовал камни, был связан с ювелирами, и в этом был азарт, интрига, а в результате, как награда – навар, деньги. Одежда и валюта его не привлекали, слишком примитивно, поэтому на учете, как фарцовщик, в милиции он не числился. Машину на свои деньги купил еще в институте, оформил, как подарок отца, приобретением поразив родственников. На занятия на ней не ездил, только по делам, летом на дачу и по деревням, где скупал иконы. Но это его увлечение постепенно было выяснено хирургией и семейной жизнью.

Отношения с девушками у Олега были своеобразными. Привлекательный внешне, высокий, со спортивной фигурой он, вдобавок, обладал еще незаурядной мужской силой. И этот свой орган, который многие мужчины называют «Мой маленький друг», Олег не мог обидеть, назвав так, потому что он был у него весьма внушительных размеров. И Олег Владимирович называл его «Мой большой друг». Олег не ухаживал за девушками и женщинами. В этом не было необходимости. Начиная с пятнадцати лет, они сами постоянно роились вокруг, ругались из-за него, строили друг другу козни, выясняли отношения и даже дрались. Сначала девчонки в школе, потом студентки в институте. Первой его женщиной стала тридцатипятилетняя соседка по даче, заманившая подростка починить ей сарай. Там же, в сарае, на старом матрасе, и случилось его грехопадение. И с того дня началось. «Большой друг» жил своей жизнью и часто брал верх над ним. Он чувствовал явный зов женщины и шел на него, увлекая за собой своего хозяина и отключая на некоторое время его разум.

Так, один раз, в десятом классе школы, Олег понес однокласснику учебник, который брал у него. Но в лифте незнакомая, немного вульгарная, но симпатичная женщина задела его бедром – и «большой друг» тут же среагировал. Они начали целоваться, проехали этаж одноклассника Олега и очутились в квартире этой женщины. И только в полночь, устав от бурного секса, и обнаружив себя на чужом диване, парень вспомнил о книге, которую должен

был отдать и о завтрашнем экзамене. И такие случаи повторялись неоднократно. Это могли быть официантки в кафе – и быстрый секс где-нибудь в подсобке. Или медсестра на практике. Или однокурсница в общежитии. Но его «большой друг» никогда не ошибался. Он не реагировал на простое кокетство девчонок и на флиртующих ради развлечения женщин. Действия его были безошибочны: увидел – почувствовал – взял свое. Олег никому ничего не обещал. Не пытался завлечь девушку. Не ухаживал. Зачем? Все шло итак само в руки. Девушка рядом – он с ней. Девушки нет – и он не вспоминал о ней, не переживал, не звонил. Рядом уже другая.

Особенностью мировосприятия Олега Владимировича было то, что он жил настоящим моментом. Делает операцию – и он весь в этом. Занимается сексом – и он весь в нем. Он редко думал о прошлом, что-то вспоминал. Ему это было неинтересно. Воспоминания были какие-то блеклые, в виде неподвижных смазанных картинок. Их нельзя было сравнить с ярким, сочным, и наполненным нюансами ощущений, настоящим. Был азарт охотника при добыче ценной старинной вещи. Была радость любимой работы. Был телевизор и детективы, потом появились компьютерные игры, уводящие мозг в приятный мир беззаботного отдыха. Были цели – сначала стать хирургом, потом иметь свою клинику. Но Олег Владимирович не обдумывал стратегических планов. Он был хорошим интуитивным тактиком – всегда прекрасно ладил с людьми, умел разрядить обстановку удачной шуткой, пустить в ход свое обаяние, вовремя улыбнуться. Избегал ненужного риска и ловко выпутывался из самых сложных и неприятных ситуаций. Даже девушки и женщины на него не обижались. Он никогда не бросал их, не обижал, не отвергал, не говорил грубых слов, искренне радовался встрече с ними. Но жил по принципу: «Ты здесь – я с тобой, тебя нет – я с другой». Сначала девушки пытались увлечь Олега, влюбить в себя, заинтересовать. Они переживали, делали новые попытки, но не могли пробить эту стену добродушного равнодушия, вывести его из эмоциональной спячки. И, в конце концов, смирились, искали себе новый объект любви. Некоторые пытались как-то удержать (обманом, беременностью, подарками), но Олег все равно выскальзывал ужом из их рук.

Когда Олег познакомился на дне рождения приятеля со студенткой Адой Кислициной, то он даже представить не мог, что она станет его женой. Девушка была некрасива. Нескладная, с резкими движениями, неправильными чертами лица, длинным носом и большим ртом. Но во время медленного танца его «большой друг» среагировал мгновенно. И они уединились в маленькой комнатке около кухни, больше похожей на кладовку. И там, скинув наваленные куртки с железной кровати, совершили свой первый половой акт. Все было, как обычно. И Олег даже не ожидал увидеть девушку снова. Он не давал ей номер своего телефона, не говорил, где учится. Она узнала сама. Собрала всю информацию о нем. Выяснила адрес и место учебы, факультет и группу, с кем проживает и чем интересуется. Олег удивился, увидев девушку, поджидающую его после занятий у корпуса. Но «большой друг» обрадовался, и они пошли к ней в гости. Родителей не было дома, и молодые люди долго занимались любовью. И после этого Ада стала как бы его тенью. Она находила квартиры и комнаты для их встреч. В сексе, несмотря на молодость, была опытная и ненасытная. Даже его «большой друг» уставали не ловил потом два-три дня зов других женщин после этих оргий. Да и количество девушек вокруг него постепенно почему-то уменьшилось. Как оказалось, Ада, заметив очередную соперницу, встречалась с ней и требовала оставить в покое ее жениха. Ее агрессивность отпугивала почти всех. А двух непонятливых Ада просто избивала. Била жестоко, но не оставляла следов. Друзьям Олега девушка вначале не понравилась, но потом они привыкли к ней. А она тем временем вкралась и в его бизнес. Стала интересоваться иконами и нумизматикой. Достала откуда-то несколько редких монет и подарила парню. Потом притащила целую сумку икон. Ада была не глупа и быстро поняла, что Олег не просто коллекционер. Он явно еще делал неплохие деньги. Но практически их не тратил. И вообще был скуповат. Квартиры для их встреч она снимала сама, вино и закуски тоже покупала она. И как-то раз ей удалось выпытать, для чего Олег копил деньги. Он хотел купить квартиру. Ада поразила. В те времена студенту это было

сделать практически нереально. Она спросила, сколько ему не хватает. Олег ответил. Через три дня Ада принесла необходимую сумму. Он купил квартиру, и в ней они стали жить вместе.

Глава 2

Ада Сергеевна, коммерческий директор клиники «Надежда», подвела итоги по финансовым документам и улыбнулась. Доходы клиники за последние месяцы росли быстро. Можно будет всей семьей слетать на пару недель в Турцию и юбилей мужа отметить без ущерба для бизнеса. Не верится – Олегу скоро будет пятьдесят. Сплошные юбилеи. Сначала – их серебряная свадьба, через год – двадцать пять лет их сыну Егору. Еще через год – десять лет их клинике. Ну а теперь – юбилей Олега Владимировича.

Ада Сергеевна любила своего мужа с восемнадцати лет, считай всю свою сознательную жизнь. Но с самого начала это было не платоническое увлечение второкурсницы. И не жалкая любовь-страдание со слезливыми стихами и идиотскими попытками наглотаться снотворного. Нет. Она добивалась своего счастья долго и упорно. И теперь могла гордиться достигнутым. Она – владелица процветающей клиники пластической хирургии, ее коммерческий директор. Муж – ведущий хирург в ней. Сын, Егор, тоже хирург, его преемник. Дочь – студентка престижного ВУЗа.

У них прекрасная квартира, коттедж. У всех, кроме Насти, машины. Дом-полная чаша. Они могут позволить себе многое. Хотя нет. Стоит ей увлечься разными деликатесами, как тут же она начинает полнеть, не влезать в одежду. Приходится ограничивать себя в еде, ходить в сауну и бассейн. Да и вообще, нужно постоянно следить за собой, посещать визажиста, СПА-салон. Ада Сергеевна знала, что она далеко не красавица, но годами это не так уж бросалось в глаза. Ее сверстницы, блиставшие раньше, под воздействием лет, безденежья и ударов судьбы, изрядно поблекли и уже не привлекали мужчин, как раньше. Они жили в «хрущевках», выращивали на дачах огурцы и картошку, считали копейки, которых не хватало от зарплаты до зарплаты, и не могли позволить себе сходить даже в театр. А Аде Сергеевне с мужем присылали пригласительные билеты на все премьеры благодарные артисты. Они вращались в лучших кругах города. И, конечно, юбилей придется проводить в лучшем ресторане и пригласить больше ста человек. Это не просто день рождения, а еще как бы рекламная акция для их клиники.

Ада Сергеевна и предположить не могла тридцать лет назад, что так высоко взлетит. Ее родители постоянно ругались. Они сходились – расходились, выясняли отношения, ревновали друг друга. Им было не до ребенка. Отец был художником, но нигде постоянно не работал. Сергей Сергеевич. Так его звали, оформлял витрины, дома культуры, иногда что-то рисовал для заводов. Мать тоже часто меняла места работы. Официантка, барменша, продавщица, администратор в парикмахерской – трудовая книжка ее пестрила разнообразием профессий. Анна Егоровна, мать Ады, домашнее хозяйство вела плохо. В доме было грязно, вещи валялись где попало, полноценные обеды были редкостью. Девочка росла угрюмой, страшненькой, неухоженной. Она только раздражала своих родителей. Хорошо, что Аду любил преданно и беззаветно хоть один человек в мире – ее дед. Егор Иванович Костюк рано овдовел и больше не женился, хотя изредка заходил к молодым соседкам по дому и по даче. Всю свою нерас траченную любовь он отдал внучке.

Майор Костюк вышел на пенсию по выслуге лет довольно рано. Он собирался купить домик в Краснодарском крае и доживать свои дни в тепле, недалеко от моря. Но сначала Егор Иванович решил заехать, навестить свою дочь. Анна после восьмого класса уехала учиться в техникум в город, вышла замуж и осталась там жить. Они давно не виделись. Костюк даже не знал, что у него родилась внучка. Когда он пришел в гости к дочери, то увидел Аду. Девочке тогда было всего пять месяцев. Худенькие ручки и ножки, висящая кожа на животе, красные шелушащиеся пятна на лице, печальные глаза. Девочка хныкала. Даже кричать у нее не было сил, так она была истощена. И сердце Егора Ивановича впервые в жизни пронзила острая щемящая жалость. Молока у дочери не было, из бутылочек смесью она толком ребенка

и не кормила, сидела в неубранной квартире и ругалась с мужем. Костюк обматерил дочь и зятя, и сам занялся внучкой. Он купил квартиру в соседнем доме, и Ада больше жила у него, чем у родителей, тем более, те начали выпивать. А тогда дед проконсультировался с педиатрами и начал усиленно кормить ребенка. Он покупал ей питательные смеси, натерал на терке яблоки и морковь, кипятил бутылочки, мыл девочку в ванне с отваром ромашки. Потом он стал покупать Аде одежду, подолгу гулял с ней в соседнем парке, пел на ночь блатные песни. Других он просто не знал. Вся жизнь Костюк отработал в тюрьмах и колониях в северных районах страны. Дослужился до замначальника по режиму. Суровая служба сделала из него сильного человека. Но у каждого есть свои слабости. Егор Иванович баловал внучку. Но он же и учил ее по-своему жизни. Учил защищать себя, никому не верить, отстаивать свои права, добиваться задуманного. Уже в семь лет Ада избила во дворе двух девятилетних пацанов, обзывавших ее «крокодилицей». Исцарапанные, окровавленные мальчишки побежали жаловаться матерям. У одного из них был разбит нос, второму девочка рассекла лопаткой губу. Матери пришли выяснять отношения к деду. Одна из них кричала:

– Это не девочка, а какое-то исчадьё ада! Я ее в колонию для малолетних преступников засажу!

Дед на это спокойно ответил:

– И какой суд поверит, что девочка-первоклассница избила двух девятилетних оболтусов? Да они ей под юбку пытались залезть, вот она и защищалась. Я сам из окна это видел, но не успел выбежать, вмешаться. Лучше за своими сопливыми распутниками следите, чтобы руки не распускали.

Женщины ушли ни с чем. А во дворе начали побаиваться Ады. А дед ее научился драться, не оставляя следов на теле противника.

Родители спивались. Даже в первый класс дед один сопровождал внучку в школу. Девочка гордо шла в белом фартуке, с огромным букетом цветов, бантиками в косичках. Самым трудным для Егора Ивановича оказалось научиться заплетать косички. Волосы не слушались его грубых пальцев, выбивались, запутывались. Но соседка Вера Николаевна, имевшая на него свои виды, научила бывшего майора и этой премудрости. Она же часто приносила им миски, полные пирожков или блинчиков, хотя дед и сам неплохо готовил и даже умел засаливать огурцы и капусту. Он приобрел дачу, и лето они с внучкой проводили на природе. Егор Иванович ходил на родительские собрания, проверял у Ады уроки. Девочка делилась с ним своими самыми сокровенными переживаниями, потому что настоящих друзей у нее никогда не было. И Костюк давал ей советы с высоты своей житейской волчьей-тюремной мудрости. Так выкристаллизовался сильный, жесткий, эгоистичный характер Ады Сергеевны. Она не знала жалости и сочувствия. Родителей презирала, слабаков и слюнтяев тоже. Привязана она была только к деду. Училась Ада хорошо. Дед ее одевал, как считал нужным. Она не была закомплексованным ребенком, но в старших классах школы обнаружила, что на некоторых девочек мальчишки обращают особое внимание, и одеты они по-другому, и ведут себя не так, как она, и внешность у нее далека от идеала женской красоты. А ей тоже хотелось ходить на свидания, гулять с парнями, целоваться на скамейках в парке.

Ада была девушкой умной и цепкой. Она стала покупать журналы мод, присматриваться к одежде и поведению тех девчонок, которые пользовались успехом у противоположного пола, уговорила деда, и они сменили ей гардероб, в парикмахерской сделали модную стрижку. Потом она подготовила к контрольной по математике соседку по парте, и Вера научила ее макияжу. Сначала было больно выщипывать брови, тушь с ресниц попадала в глаза, и их начинало щипать, неровно ложилась помада на губах. Но красота требовала жертв, и Ада старательно улучшала свою внешность. Со своей соседкой Верой они стали ходить на дискотеки, и там парни, разгоряченные вином и близостью женских тел, наконец, начали обращать на нее внимание. Там же, на дискотеке, она познакомилась со своим первым сексуальным партнером. Его

звали, кажется, Коля. Они после танцев гуляли по парку, целовались на скамейке, и там же он ее грубо взял. Кроме неприятных, болезненных ощущений, она ничего не почувствовала, но была переполнена гордостью. Она – не гадкий утенок! Она нравится мужчинам – и уже стала женщиной! Ей было тогда шестнадцать лет. Но деду об этом Ада ничего не рассказала, почувствовала, что ему приятней будет считать ее наивной девочкой. Потом у нее было еще несколько сексуальных партнеров. Но тут она была уже осторожней.

Приглашала, когда родителей не было дома, пацанов к себе, заставляла надевать перед актом презервативы. Она мечтала испытать оргазм, но ничего не получалось. Мальчишки пыхтели и быстро кончали. А она ничего приятного при этом не чувствовала. И Ада прекратила свои эксперименты, никто из этих пацанов ей не нравился. Тем более пришла пора сдавать выпускные экзамены в школе и поступать в институт. Она выбрала финансово-экономический факультет. Посоветовалась с дедом. Тот сказал:

– Была бы ты парнем, сказал бы, иди в армию. Офицер бы из тебя хороший вышел. Ну а девке какую специальность выбрать? Учителем и врачом ты по характеру быть не сможешь. Ну а бухгалтер, если с опытом, да на хорошем месте, большие дела делать может. И деньги будут. Только осторожнее работать надо, чтобы не посадили. Так что иди, учись.

Ада поступила. Училась нормально. Недолго любила свой женский коллектив однокурсниц, но старалась не конфликтовать. Незаметно пролетел первый курс. А на втором произошла та судьбоносная встреча, изменившая всю ее жизнь. Девочка из группы, Галя, неожиданно предложила Аде:

– У моего парня сегодня день рождения, он попросил меня привести подружку, а то там пацанов много будет, а девчонок мало. Пойдешь?

Ада согласилась. Они купили красивую зажигалку и пошли в гости. Квартира была большой, но уютной. Народа пришло много, была только молодежь, студенты. На столе

стояло с десяток бутылок портвейна, банка с разливным пивом, водка. А закуски было явно маловато: нарезанная неровно колбаса, хлеб, три банки консервов, вазочка с салатом оливье и соленые огурцы. Когда они пришли, все были уже навеселе, шумели, что-то кричали, никто не слышал друг друга, громко играла музыка.

И там, среди полупьяной толпы, Ада увидела Его. Она не могла отвести глаз от лица красивого незнакомого парня. Сердце забило тревожно. Внизу живота разлилось приятное тепло. Начали танцевать, и Ада сама пригласила его на медляк. И поняла, что этот парень – ее судьба. Если только она сможет покорить такого красавца. Буквально через минуту после того, как они прижались друг к другу в медленном танце под голос Джо Дассена, девушка почувствовала, что парень возбужден. И она сама возбудилась, ощутив его огромный половой член. Не сговариваясь, не узнав даже имен друг друга, они вышли из комнаты в коридор. Парень, видимо, знал, куда идти, он провел Аду в маленькую комнату около кухни, закрыл дверь на крючок. Они начали целоваться, сначала стоя, потом сбросили наваленные на железную кровать куртки, и легли на нее, срывая друг с друга одежду.

Безумное желание охватило девушку. Их соитие было бурным. Старая кровать чуть не рухнула под сексуальным напором двух молодых возбужденных тел. Ада думала, что она умрет в конвульсиях оргазма. Но этого не случилось. Придя в себя, девушка спросила:

– Тебя как зовут?

– Олег. А тебя?

– Ада.

– Ну вот и познакомились.

И они оба радостно засмеялись и снова стали целоваться...

Ада сразу поняла, что влюбилась. И ей хотелось, чтобы Олег принадлежал полностью ей, ей одной. Девушка по крупицам собирала о нем информацию и начала осаду. Она узнала. Что у него много девушек, но нет постоянной, что парень очень сексуален и неразборчив

в связях, живет с родителями, учится в мединституте, имеет «Жигули». Теперь ее задачей стало – быть все время рядом с ним, стать незаменимой для него, заблокировать других девушек и не выпускать Олега из вида. И она делала все возможное для этого. Встречала после занятий, сопровождала кругом, снимала квартиры на несколько часов для их занятий любовью, отгоняла от него соперниц: кого угрозой, а некоторых, применив физическую силу. Но Олег даже не догадывался, сколько усилий прилагает Ада, чтобы быть рядом с ним. Его увлекали только две вещи: хирургия и коллекционирование. И тут пришлось просить совета у деда. Егор Иванович порылся в каком-то своем «загашнике» на антресолях и подарил внучке мешочек старинных монет. У деда были кое-какие накопления, добытые и заработанные за его непростую жизнь. Он чувствовал, что Аде нужны деньги и давал ей на расходы довольно приличные суммы. Потом он достал через старых знакомых больше десятка икон. И их тоже Ада отнесла обрадованному Олегу. Когда девушка узнала, что любимый хочет купить квартиру, она пришла к деду и рассказала ему о своей любви и о выпавшем шансе. Она даже расплакалась. Егор Иванович не смог вынести слез внучки, крикнул, но дал ей деньги. Олег купил квартиру, и они стали жить вместе. А потом Ада забеременела, и молодые люди зарегистрировались. Но первая беременность закончилась выкидышем. Дед и тут утешал:

– Не переживай. Нарожает еще детишек.

Так оно и вышло. Через год родился мальчик. Его назвали в честь деда – Егор. А еще через шесть лет – Настя. Вот так оно ей досталось, ее трудное женское счастье. Но бороться за Олега приходилось и, будучи уже его женой. Ада приходила на каждое дежурство мужа в больницу по вечерам, принося что-нибудь поесть и показывая своим визитом особые права на него всем этим многочисленным медсестрам, санитаркам, врачам больницы. Иногда, что-то почувствовав, подкарауливала с работы и срывала ему свидание с очередной женщиной. Когда появились мобильные телефоны, читала его sms-ки, изучала входящие и исходящие звонки.

Но Олег все равно ухитрялся ей изменять. На конференциях и хирургических съездах. В своей машине со случайной знакомой. Ада Сергеевна устраивала скандалы, орала, а Олег Владимирович невозмутимо отрицал очевидное.

Теперь, работая в одной клинике, ей было легче контролировать мужа. И любая медсестра, осмелившаяся с ним пококотничать, безжалостно увольнялась. Но подрастали все новые и новые соперницы, девицы развязные и наглые. С одной из них она не так давно застала мужа в круглосуточном киоске недалеко от дома. Но он и тут вывернулся, сказал, что его попросили передвинуть ящик, чтобы достать бутылку минералки. А сам явно застегивал джинсы, и девица тоже имела довольно растрепанный вид. Она могла выслеживать мужа, устраивать скандалы, оскорблять, но он был неисправим. А у Ады Сергеевны с годами все больше возрастало стремление буквально все держать под своим контролем: финансы, дела в клинике, поступки своих детей и буквально каждую минуту жизни мужа. Но все равно она чувствовала, что никогда полностью не поймет его. Они спали в одной кровати, имели общее дело, но он был, как и раньше, недоступен ее сознанию. Иногда ей хотелось буквально вскрыть его черепную коробку и узнать, увидеть то, что он думает. И она начинала приставать, тормоша Олега:

– Ну скажи, о чем ты сейчас думаешь?

– Ни о чем.

– так не бывает, – возражала она.

– Бывает. Можно отключать сознание и так отдыхать.

– Ну хорошо. А что у тебя в подсознании?

– А у меня его нет, – спокойно отвечал он.

Еще Аду Сергеевну настораживало то, что Олег Владимирович стал равнодушен к тому, что ему нравилось раньше.

Если их первую дачу он построил своими руками и любил на ней бывать, то обсуждать проект коттеджа с архитектором отказался, сославшись на дела в клинике. А потом, когда жена попыталась заставить его следить за работой строителей, то он даже вспыхнул:

– Отстань. Найми хорошего прораба, и сама с ним гвозди просчитывай!

Теперь он уже не рвался в операционную, как прежде. И даже деньги перестали его интересовать. Дома ходил в старых джинсах, шлепанцах и футболке. А элегантные костюмы ему шили на заказ по меркам. И парикмахера она вызывала на дом. Надо было поддерживать имидж клиники внешним видом ведущего хирурга.

Семейная жизнь основана на законе сообщающихся сосудов. Ада всю жизнь перекачивала из сосуда мужа в свой все, что было ему дорого, а он, отдавая, терял силы и интерес к этому. Вампиризм жены постепенно подтачивал его мощную энергетику. И на работе эксплуатация его таланта хирурга для получения прибыли истощила Олега. То, что доставляло радость раньше, под контролем жены превращалось в обузу. Собственно говоря, ему и в молодости хотелось только самого необходимого: заработать себе на машину и квартиру, построить дачу. Когда у него это все появилось, уже большего и не хотелось. А у Ады Сергеевны, наоборот, любовь к деньгам, к наживе, превратилась с годами в идею фикс.

Их сын Егор вникал не только в тонкости хирургической работы, но и интересовался всеми финансовыми делами клиники. Он знал цену не только каждого операционного стола, но и скальпеля, стоимость любой операции и строительных материалов для ремонта подсобных помещений. Современный молодой человек с деловой хваткой, знающий, чего он хочет в этой жизни. В двадцать семь лет он неплохо оперировал, но по складу своего характера был более администратором, чем врачом. Он был предприимчив, но осторожен. Имел привлекательную внешность, но не обладал харизматичностью отца. Тусовался среди «золотой молодежи» города, подыскивая себе выгодную невесту. Пил мало, сексуальной распушенностью не отличался, следил за своей внешностью, занимался спортом. В общем, не парень, а эталон юноши, гордость родителей. А сестра его была совсем другой.

Глава 3

У Насти не было уравновешенного характера, настойчивости и снобизма, как у брата. Она отказалась ездить в элитную гимназию, а закончила простую школу рядом со своим домом. Ее раздражали выпендривающиеся ровесники из богатых семей. Она дружила с простыми девочками из своего класса и со двора. Дарила очередной подружке свои разонравившиеся вещи, угощала деликатесами из огромных урчащих холодильников, показывала обновки. И, видя их восторг и зависть, получала какое-то болезненное удовольствие. Богатство притягивает. И девочки, чтобы угодить Насте, убирали в ее комнате, мыли посуду. Но у Насти часто случались перепады настроения. Щедрость сменялась приступами скупости. Она могла вырвать из рук девочки дезодорант, которым та хотела воспользоваться и наорать на нее:

– Не хапай! Свое надо иметь!

Мало кто долго выдерживал такое отношение. У Ады Сергеевны тоже был тяжелый характер. Домработницы из-за этого не держались в доме больше трех месяцев. Сама она считала последнее время выполнение домашней работы ниже своего достоинства, и переложить ее старалась на детей и мужа. Даже, готовя изредка обед, женщина задействовала в этом всю семью: один чистил картошку, второй резал овощи, третий мыл посуду, а она руководила их действиями. Такая «семейная идиллия» никого не устраивала, и нанималась новая домработница. Часто питались вкусными полуфабрикатами из ресторанов и гипермаркетов.

Но Насте нужны были подружки не только для помощи в домашней работе. Ей веселее было делать с ними уроки, слушать музыку, ходить развлекаться. Сказывалось, видимо, то, что родители практически не уделяли ей внимания. У отца сначала были дежурства, работа и женщины. У матери – тоже работа и слезка за отцом. А потом родители занялись бизнесом – клиника эстетической хирургии занимала все их время и силы. И даже домашние разговоры сводились к операциям, закупке оборудования и деньгам. Дети прошли ясли, детсад, школу с продленкой. Мать их наказывала за плохие оценки, лупила за непослушание. Отец в воспитание вообще не вмешивался. Странно, как они вообще не попали в плохие компании. Но брат Егор рос очень честолюбивым мальчиком. Ему с первого класса хотелось учиться лучше всех, иметь самые красивые вещи. Он рано понял, что легче всего будет делать карьеру с помощью отца и пошел в медицинский, занялся хирургией. Настя в медицинский институт поступать отказалась, а выбрала туристический бизнес. Мать была сначала недовольна, даже не хотела оплачивать ей учебу, но потом, подумав, согласилась:

– Ладно, учись, может, хоть за иностранца замуж выйдешь, связи за границей будут, клиенты с валютой пойдут.

И Настя поступила в институт. Если в школе ее подружки-компаньонки довольно быстро сменяли друг друга: одним надоедала роль прислуги, другие сами начинали на хамство Насти дерзить, третьи подворовывали – и происходил разрыв отношений; то в институте у нее появилась постоянная, самая близкая подруга, Кристина. Девушка училась в их группе. Черноглазая, симпатичная, стройная, пластичная, она привлекала к себе парней гораздо больше, чем Настя. Та была похожа на мать: неправильные черты лица, резкие движения, сутулая. Угловатая фигура, густые, но неухоженные, мышиного цвета волосы. Кристина буквально заставляла Настю заняться своей внешностью. Стилист. Дизайнер. Парикмахер. Солярий. Визажист. И Настя преобразилась. Вдобавок, они начали ходить вместе на танцы, в фитнес-клуб и бассейн. У девушки улучшилась осанка, движения стали более плавными, появилась женственность. Кристина была дальновидной девушкой. Она знала, что Настя не любит ходить куда-то одна, и сопровождала ее везде. А та оплачивала ей тоже все их походы в оздоровительные центры и парикмахерские. После занятий они шли к Насте домой. Кристина быстро что-то готовила для них двоих, они обедали. Потом разговаривали или слушали музыку, и Настя

лежала на диване, а Кристина мыла посуду, наводила порядок. Она стала незаменимой для своей подруги.

Однажды Ада Сергеевна, придя раньше времени с работы, застала эту картину: Настя лежит, а Кристина моет пол. Но, к удивлению девушек, она не стала ругаться, а предложила Кристине два раза в неделю делать уборку в их квартире и гладить белье. И пообещала платить за это неплохие деньги. Девушка с радостью согласилась. Все были довольны. Ада Сергеевна тем, что не придется брать в дом незнакомого человека. Кристина – деньгам. А Настя – возможности официально бездельничать, когда подруга занимается хозяйственными делами.

Мать Кристины работала воспитателем в детском саду. Она вышла замуж после педучилища сразу, по горячей любви. У мужа в роду были цыгане. Петр был красив: черные кудри, стройная фигура, сияющие глаза. Он играл на гитаре, пел. Но не любил работать, порой мог загулять и пропасть на неделю. Татьяна забеременела. Сначала рожать не хотела, но потом смирилась, решила, что с рождением ребенка муж остепенится. Но он вообще исчез, когда девочке было три месяца. Позвонил через два года с Камчатки, обещал приехать. Но больше не появился и алиментов не платил. Но Татьяна Герасимовна сильно и не переживала. Любовь к мужу у нее переплавилась в любовь к дочери. Когда в роддоме ей первый раз принесли в палату миниатюрную девочку с темными кудряшками, огромными черными глазами и маленькими пальчиками на ручках, то ее захлестнула волна нежности и гордости за это, созданное ею, маленькое чудо природы. И она поклялась, что сделает все для счастья дочери. И она работала на две ставки, чтобы Кристина была одета не хуже других детей. Водила ее на уроки вокала, на танцы и в театральную студию. Татьяна Герасимовна считала свою дочь очень красивой и талантливой и мечтала о том, что она станет знаменитой певицей или актрисой, будет окружена толпами поклонников.

Сама она была женщиной простой и для себя ничего особенного не хотела и не ждала, но в мыслях о будущем дочери ее фантазия разыгрывалась с невероятной силой. Тут перемешивались бразильские сериалы и романы для женщин о роковой любви, телесюжеты о жизни знаменитых женщин и мечты о простом женском счастье, извечная вера в сказочного принца и надежда на спокойную старость в окружении любящих близких: дочери, зятя, внуков. Кристина неплохо танцевала и пела, но на отделении «актер оперетты» в театральный институт в другом городе, куда ездила поступать, не прошла по конкурсу. Мать и дочь сначала сильно переживали, но Татьяна Герасимовна придумала быстро другой способ будущего Кристины и предложила в следующем году ей пойти учиться на факультет туристического бизнеса, а зимой поработать и позаниматься иностранными языками. Теперь она хотела, чтобы дочь вышла замуж за иностранца.

По ошибочному убеждению многих русских женщин, все мужчины-иностранцы – это обеспеченные, солидные люди. Они интеллигентны, галантно ухаживают, не пьют водку, имеют счет в банке и живут в красивых домах с лужайками в пригороде больших городов.

Корни у Татьяны Герасимовны были простые, деревенские, и кое-чему полезному она все-таки свою дочь научила. Главное для женщины – это все-таки брак, а успех, поклонники – возможность выбора хорошего мужа – так считала женщина. А мужья не любят нерях и неумех. И она рано научила Кристину готовить, стирать, наводить порядок в доме. В три года у девочки кукла Катя уже мыла посуду, а потом ее кукла Ваня вез в магазин на большой машине и покупал платья. Так у Кристины выработалось несколько установок: на успех, на удачное замужество, на свою уникальную красоту и талант, с которыми можно всего добиться, главное – денежного мужа.

Жизнь вносила свои коррективы. И планы матери казались Кристине в чем-то наивными. Она более реально оценивала действительность, но делание иметь богатого мужа было очень острым. Ей надоело ходить с матерью на барахолку, и выискивать там киоски с распродажами, а потом еще торговаться с продавцами. Ей надоело есть по вечерам котлеты с картош-

кой и рассольник, которые мать приносила с работы в баночках, т.к. дети всегда едят меньше, чем им полагается по расчетам диетологов. И Кристина уже со школы придирчиво оценивала своих поклонников. Сразу отметались шалопаи, наркоманы, парни без образования и из бедных семей. В одиннадцатом классе она стала встречаться с Валерой, сыном хозяина гипермаркета, студентом второго курса университета. Их отношения развивались стремительно, и они даже собирались пожениться, когда Насте исполнится восемнадцать лет. Но отец Валеры, узнав об их связи, отослал сына учиться за границу. Кристина осталась ни с чем. Пару дней она проплакала, но потом решила, что следующим ее избранником станет человек самостоятельный, взрослый, с которым так не обойдется родня, но сам будет решать, что делать, с кем ему жить.

И второй роман у нее был с тридцатилетним парнем. Игорь имел свой бизнес, ездил на крутой тачке, делал ей дорогие подарки, водил в ресторан. Много обещал: поездку на Кипр, свадебное платье за тысячу «баксов». Он несколько раз водил ее на квартиру друга, к себе не мог, потому что дома, по его словам, шел ремонт. А потом Игорь исчез. Не звонил. Не приезжал. Адрес Кристина не знала. Она уже думала, что парень погиб, но встретила его как-то в Центральном парке. Игорь вез детскую коляску со спящим младенцем, а полная женщина, идущая рядом с ним, вела за руку мальчика, на вид лет четырех. Они оживленно о чем-то разговаривали. Игорь заметил Кристину, идущую ему навстречу, но сделал вид, что не узнал. И снова она проплакала пару дней. От разочарования, от обиды.

После провала в театральный, Кристина стала заниматься на курсах иностранных языков и устроилась на работу в группу известного в городе вокалиста Жени Лазарева. Она выступала у него на бэк-вокале и подтанцовке. Изрядно потасканный тридцатисемилетний ловелас в свое время пользовался большим успехом у девушек. Да и сейчас женщины за тридцать зачарованно слушали его хрипловатый баритон и делали ему подарки. Но Женя остановил свой выбор на Кристине. Он резонно полагал, что связь с молодой девушкой продлит творческую молодость артиста. Кристину не смущало то, что Лазарев на девятнадцать лет старше нее. У него была хорошая трехкомнатная квартира в центре города, доставшаяся ему от родителей, Тойота-Камри, дача, неплохие заработки. Они стали жить вместе. Но гражданский муж оказался требовательным и капризным. Надо было постоянно восхищаться его внешностью, его талантом, его мужской потенцией, кстати, довольно слабой. Кристина сначала терпела все его прихоти. Ей очень хотелось стать законной женой известного человека. Но потом, постепенно, ее все больше стали раздражать постоянное самолюбование певца, чрезмерная разборчивость в еде, скандалы из-за вовремя не выстиранной любимой рубашки, хотя два десятка подобных висело на плечиках в шкафу, а также половые акты с полувялым членом из двух-трех фрикций, во время которых еще требовалось имитировать оргазм. Вдобавок, Женя пил. Он старался крепиться, но не мог. Трудно удержаться, когда на свадьбах и юбилеях тебе протягивают бокал, и толпа гостей требует, чтобы ты выпил за здоровье молодых или юбиляра. Кончалось дело тем, что Кристина с помощью диджея группы грузила упирающегося и скандалящего мужчину в такси, а потом уже одна выгружала у дома, дотаскивала до квартиры и сваливала на диван. А утром ей приходилось еще помогать несчастному музыканту бороться с похмельем.

А однажды концертов и «шабашки» у них не было. Кристина поехала к матери помочь наклеить обои. Задержалась до вечера, а когда вернулась, увидела, что дверь закрыта, но не заперта. Она вошла в квартиру и наткнулась на Евгения, лежащего прямо в коридоре, в луже собственной мочи. Он прерывисто дышал, пульс не прощупывался. Кристина вызвала «скорую», и его увезли в больницу. Несколько дней Лазарев лежал под капельницей. Кристина навещала его, приносила фрукты и соки. Пролечили. Выписали.

В первый же день Евгений пригласил друзей и отметил свое выздоровление. Опынев, музыканты перессорились из-за каких-то старых долгов, началась потасовка. Была перебита посуда, сломан телевизор. Кто-то заблевал кухню и туалет.

И Кристина ушла. С отвращением вспоминая квартиру своего «гражданского мужа», лежащего в моче, она поняла, что не сможет больше жить с ним. Работу в группе она, конечно, потеряла, но был уже июль, и наступало время вступительных экзаменов. Она поступила. Но, к сожалению, факультет туризма был платным, и матери приходилось по-прежнему, несмотря на возраст, работать на две ставки. Кристина хотела пойти устроиться работать официанткой или танцовщицей в стриптиз-клуб. Но Татьяна Герасимовна не разрешила:

– Учись, доченька. Первые курсы – самые трудные. Укрепишься, пойдешь работать и лучше сразу по специальности устроиться, чтобы стаж шел.

Хотя и третий роман девушки закончился неудачно, но Кристину спасало от душевных мук то, что ни одного из своих мужчин она не любила, а преследовала в отношениях только одну цель – удачно выйти замуж. И теперь Кристина вцепилась в дружбу с Настей, как в возможность вращаться в обществе богатых и уважаемых людей и найти среди них себе достойную пару. Теперь она решила обдумывать каждый свой шаг и не бросаться опрометчиво в объятия первого встречного. Конечно, с Настей было непросто общаться, порой приходилось терпеть ее выверты, а иногда закрадывалась в голову опасная завистливая мыслишка: «и почему этой дылде, страшной и неуклюжей – все, а мне – ничего?» Но Кристина не поддавалась эмоциям. Она решила добиться своего. И начала даже читать популярные книги по психологии, типа: «Чего хочет мужчина?», «Как выйти замуж за миллионера». А еще она увлекалась черной магией, и на столе у нее появились книги о приворотных зельях, наговорах.

Но тут Кристина поняла, что магия – дело серьезное, ему нужно учиться. Она нашла по объявлению колдунью Илону Забельскую и пошла к ней на прием. Та принимала людей в большом частном доме на окраине города. В одной комнате Илона гадала на картах, в другой занималась с группами из трех-четырех человек. Была также кладовка с травами и кухня с плитой, на которой стояли кастрюльки с варящимся зельем. Сама колдунья была худой высокой женщиной неопределенного возраста с длинными черными волосами, рассыпанными небрежно по плечам, и с цепким взглядом недобрых глаз. Илона рассказала Кристине о том, как лечит больных, пригласила позаниматься в группе, где помогала людям обрести экстрасенсорные способности и раскрыть магический дар. Потом она погадала ей на картах и сказала, что девушка будет женой влиятельного человека, но его придется приворожить. Для этого она может приготовить все необходимое.

Глава 4

Илья Григорьевич Доценко был прекрасным травматологом, но обладал неуживчивым характером, как считали его бывшие жены и начальство. Был требователен к себе и другим. Худощавый, живой, среднего роста, с пробивающейся лысиной, эмоциональный, он принимал все слишком близко к сердцу. Так один раз вечером на его дежурство привезли сразу трех пострадавших: молодую женщину с пятилетней девочкой и парня-студента. Они стояли у остановки, а водитель иномарки на полной скорости вылетел с дороги на тротуар и сбил их, а сам с места происшествия скрылся. Илья Григорьевич и его ассистенты провели больше двух часов в операционной, так как больные были в крайне тяжелом состоянии, им потребовались срочные операции, переливание крови. А потом их перевели в палату реанимации, где все трое лежали под капельницей, без сознания, с многочисленными переломами.

Едва успел Доценко выйти из операционной, как его снова взвали в приемный покой, куда был доставлен водитель той самой машины. Спасаясь от погони сотрудников ГИБДД, он врезался в столб, но пострадал мало, только порезался осколками лобового стекла. Мужчина был настолько пьян, что передвигался с трудом, еле ворочал языком. И Илья Григорьевич не выдержал:

– Да как ты, пьяная сволочь, в таком состоянии вообще смог сесть за руль?! – и ударил водителем кулаком в лицо.

А водитель оказался непростой, адвокат, вдобавок, брат какой-то «шишки» из мэрии. Доценко был объявлен выговор, а потом, когда он был в отпуске, сняли с должности заведующего травматическим отделением. Вернулся он с Алтая, на следующий день пошел на работу и в своем кабинете с удивлением обнаружил незнакомого врача. Новый заведующий был молод, честолюбив, кандидат медицинских наук, дальний родственник главного врача их больницы.

С главным отношения у Доценко не сложились. Иосиф Соломонович Цукерман был на пять лет его моложе. И в начале своей карьеры тоже хотел стать хирургом, он даже проходил практику у Доценко. И тот увидел, как интерн коряво зашивает раны и неправильно пытается наложить гипс, в грубой форме посоветовал ему в травматологию не соваться. Иосиф обиделся, но, подумав, решил пойти по административной линии. По знакомству его устроили в районный здравотдел, потом замглаврача в поликлинику, повысили до главного через пару лет. А когда их главный серьезно заболел, то вместо того, чтобы на его место назначить, как все предлагали, Елену Ивановну Кошкарёву, заместителя по лечебной работе, проработавшей тридцать лет в больнице, и знавшей каждый ее уголок и каждого сотрудника по имени-отчеству, назначили Цукермана.

Сначала тот вел себя вполне корректно, прислушивался к мнению заместителей и заведующих отделениями, ничего не менял. А потом пошло-поехало: штрафы, перегрузки, сокращения, кадровые перестановки. Стиль его руководства становился все более авторитарным, хотя стационарную работу он знал не очень хорошо. Зато в том, как заработать деньги на платных услугах, главный преуспел. Но сотрудникам с этих денег «перепало» мало. Так врач, консультируя больного, получал только десять процентов от того, что тот заплатит. Остальное шло непонятно куда.

Один раз в понедельник делал обход и обнаружил в двухместной палате парня без каких-либо следов травмы. Рядом с ним сидела незнакомая медсестра и следила за капельницей. Он спросил молодого врача, Светлану Петровну:

– А кто это?

– Больной Семенов, двадцать один год. Я его вчера положила в отделение по приказу главврача с диагнозом «сотрясение головного мозга». А лечение назначил дежурный терапевт. И еще какой-то доктор приезжал, незнакомый, не представился, его осматривал.

Парень был явно наркоман. Глаза пустые. Вел себя развязно и вызывающе. Доценко осмотрел его с головы до ног, обнаружил на венах многочисленные следы от инъекций, сделал полное обследование: ЭХО, снимки черепа, глазного дна, взял анализы на ВИЧ. Единственное, что он нашел – старый кровоподтек на правом предплечье. И, чтобы не подставлять своих докторов, сам выписал Семенова с диагнозом «ушиб правого предплечья. Наркомания».

Позвонил взбешенный главный:

– Вы почему занимаетесь самоуправством, Илья Григорьевич?! Большой был госпитализирован по моему распоряжению!

– А я не понял, почему в травматологии должен лечиться наркоман, пусть проходит курс детоксикации в наркологическом отделении, сейчас их полно, есть и в частных клиниках.

– А Вы знаете, кто у него отец? Прокурор района. И он не хочет, чтобы пошли разговоры, и на парне было клеймо.

– Хорошо, если из горздрава придет приказ выделить в нашем отделении наркологические койки, я его приму.

– Хватит издеваться! Вы еще за это расплатитесь! – и главный швырнул трубку.

Через неделю пришли результаты анализов. Парень оказался ВИЧ-инфицированным. Доценко пришел к главврачу, положил бумажку с результатом анализов на стол и сказал:

– Жаль, конечно, парня. Но сообщите, пожалуйста, его отцу диагноз. И давайте больше не будем рисковать здоровьем сотрудников и других больных.

Иосиф Соломонович злобно посмотрел на Доценко и процедил:

– Поторопитесь с отчетом за полгода, Илья Григорьевич. Уже все заведующие сдали его, а вы – нет.

– Хорошо.

Доценко вышел из кабинета.

Следующая их стычка произошла через полгода. На его суточном субботнем дежурстве раздался звонок. Главврач требовательно произнес:

– Илья Григорьевич! Анестезиолог в реанимации зафиксировал смерть головного мозга у Вашего больного Ващенко с тяжелой черепно-мозговой травмой. Сходите, распишитесь в бумагах. Приехали специалисты из центра трансплантологии. Надо его отключать от искусственной вентиляции легких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.